

**Дмитрий
Воскресенский**

ЯПОНИЯ: КАРТИНКИ БЫЛОГО

Из архива академика И.М. Майского

Иван Михайлович Майский прожил за границей в общей сложности около тридцати лет (дореволюционная эмиграция в Германии, Швейцарии, Англии, последующая работа в качестве советника посольства и посла в Финляндии, Японии, Англии). В его кабинете на Тверской, в доме, что напротив теперешней Московской мэрии и где висит мемориальная доска с его именем, в своё время стоял внушительного вида английский баул, или попросту сундук, доверху набитый фотографиями, письмами, почтовыми открытками, приглашениями (в том числе от важных персон английского королевского двора) на званые обеды в Лондоне, поздравлениями известных и даже знаменитых людей (Ллойд-Джорджа, Бернарда Шоу, Уэллса, Черчиля). В комнате была ещё корзина с газетными вырезками и фотографиями разных лет.

По правде говоря, Майский не был заядлым коллекционером. Из-за большой загруженности работой, частых переездов, непрерывной научной и публицистической деятельности у него просто не оставалось времени, чтобы сделать коллекционирование своим хобби. Когда Майский в 1927 г. впервые приехал в Японию в качестве советника по культуре, он, будучи человеком широких интересов, старался как можно больше узнать о ней, о её людях, истории и культуре. Тем более что это входило в круг его непосредственных служебных обязанностей. В одном из своих очерков он писал: «До того мне никогда не приходилось бывать на Дальнем Востоке. Теперь этот шумный, красочный кусок нашей планеты окружал меня со всех сторон и тысячами голосов настойчиво вопрошал меня: что ты знаешь обо мне? И желая быть искренним перед самим собой, я должен был сознаться, что, в сущности, очень мало знаю о Дальнем Востоке вообще, о Японии, в частности. Другие работники полпредства, как это

Дмитрий Николаевич
Воскресенский – китаист-
литературовед, профессор
Литературного института
им. А.М. Горького, доцент
Института стран Азии
и Африки при МГУ.

очень скоро выяснилось, за редким исключением, находились не в лучшем положении, чем я. А между тем трудно было нормально вести дипломатическую работу, не имея хотя бы элементарного представления о стране, об её экономике, политике, культуре, быте, нравах и обычаях».

Но условия для познания страны были непростыми. Япония пребывала в обстановке милитаристского угара и экспансионистских настроений (вспомним японскую агрессию в Северный Китай и создание там марионеточного государства Маньчжоу-го). Сложные, если не сказать натянутые, отношения были между Японией и Советским Союзом (всего пять лет как японские оккупационные войска покинули Владивосток). К этому надо добавить чудовищную шпиономию, которая процветала в начальные годы династии Сёва, особенно в правление кабинета откровенного русофоба генерала Танака. Майский (и не только он) подчёркивал эту неприятную черту японской действительности. В своей книге «Японские силуэты», которая вышла в Москве в 1931 г. под псевдонимом И. Тайгин, он приводит письмо «одного друга» (вероятно, это слова самого автора). В нём, в частности, говорится: «Человеку, никогда прежде не бывавшему в Японии, трудно себе представить всеобщность господствующего

здесь шпионажа. А между тем она безгранична. Вся наша домашняя прислуга, все наши «ама-сан», няньки, кухарки, горничные дают сведения полиции... Все наши поставщики, магазинные мальчики, привозящие продукты, повара в нашей товарищеской столовой, портные и портнихи, обшивающие нас и наших жён, сапожники, жестянщики, маляры, ремонтные рабочие, по тем или иным причинам бывающие в советских учреждениях, – все они дают сведения полиции».

Несмотря на сложности политической жизни, Майскому всё же удавалось встречаться с писателями, художниками, артистами, общественными деятелями, посещать выставки и театральные постановки. При каждом удобном случае он старался бывать и в других городах. В своих записках он упоминает Осака, город-музей Киото, Камакуру, Нару, остров Хоккайдо, который «изъездил в разных направлениях». Во время этих не слишком продолжительных поездок супруги Майские много фотографировали, пользуясь редким в то время «Кодаком», собирали почтовые открытки с видами разных городов, портретами знаменитых актёров Кабуки или Но. В довольно внушительную коллекцию, малая часть которой представлена здесь, вошли и разные предметы быта, японской бытовой эпиграфики.

Научиться хорошо пряхть непросто.

Зигзаги жизненного пути

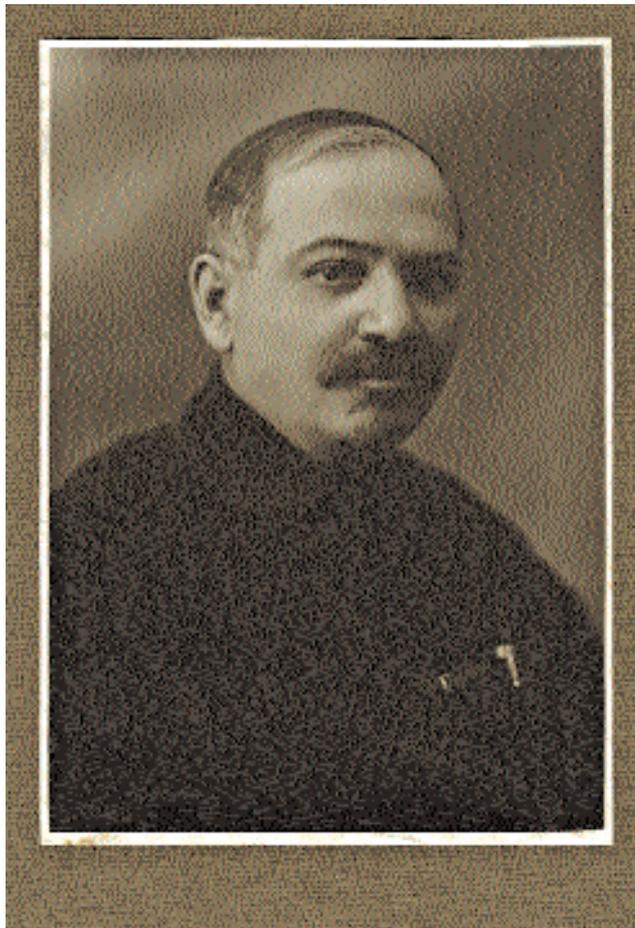
Публикуемый материал основан и на моих личных воспоминаниях и впечатлениях, поскольку я хорошо знал Майского с 1956 г. и до его кончины, то есть почти двадцать лет, так как моя семья состояла с ним в родственных отношениях. Его жизнь, во многом необычная и даже удивительная, была невероятно богата разными интересными событиями – не всегда, впрочем, радостными. Уже будучи в преклонном возрасте, за семьдесят, с серьёзно подорванным здоровьем после необоснованного ареста в 1953 г., Иван Михайлович нашёл в себе силы написать мемуары, выпустить несколько научных трудов и даже роман для юношества.

И. Майский (его настоящая фамилия Ляховецкий, а Майский – это литературный и партийный псевдоним, которым он подписывал свои статьи и очерки в российской прессе ещё до революции) родился в 1884 г. в г. Кириллове Новгородской губернии в семье военного врача. Он окончил гимназию с золотой медалью, что позволило ему довольно легко поступить в Санкт-Петербургский университет на историко-филологическое отделение. Чтобы как-то зарабатывать на своё учёное и жизнь, юноша занимался журналистикой, увлекшись (как многие люди в то время) социально-политическими проблемами, и попросту говоря – революционной деятельностью. Кончилось всё это плачевно – его исключили из университета и отправили в ссылку в Сибирь. Так он стал «неблагонадёжным» (об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся бумага из полицейского участка), но когда надзор властей несколько ослаб, он тут же уехал за границу, сначала в Германию, где благодаря хорошему знанию немецкого языка поступил и успешно закончил Мюнхенский университет, потом жил в Англии (с 1912 по 1917 г.), где изучал проблемы рабочего и социал-демократического движения в Европе. Там он позна-

комился, а потом и подружился с Чичериным, Литвиновым и многими другими известными людьми из России.

Вернувшись в Россию в 1917 г., Майский, будучи членом меньшевистской фракции РСДРП, участвовал в работе Учредительного собрания, а после его роспуска оказался в Самаре, где несколько месяцев занимал пост председателя комитета по труду в так называемом КОМУЧе – Комитете Учредительного собрания, весьма странном учреждении, возникшем в то смутное время. После разгона Комитета чехословаками и Колчаком Майский приехал в Омск, откуда Сибирский Центросоюз направил его в Монголию, с которой сибирские власти поддерживали широкие торговые отношения. За год он побывал в разных уголках этой страны. Это было первое знакомство с Востоком, что впоследствии сыграло немаловажную роль в его дипломатической деятельности. Уже в 1921 г. в Иркутске вышла его книга «Современная Монголия», которая впоследствии (переработанная и дополненная новыми данными) была

И.М. Майский в 20-е годы.

переиздана («Монголия накануне Революции». М., 1960). Это была одна из первых книг, довольно подробно освещавшая жизнь Монголии с разных сторон. Не случайно она оказалась в библиотеке В.И. Ленина в Кремле.

Возвратившись в 1922 г. в Москву после полного разрыва с меньшевиками (Майский писал об этом конфликте в своей книге «Демократическая контрреволюция»), он по предложению Чичерина возглавил отдел печати МИД, а в 1925 г. был назначен советником по культуре в Лондон, где проработал два года. Так началась его дипломатическая карьера.

Встреча с Японией

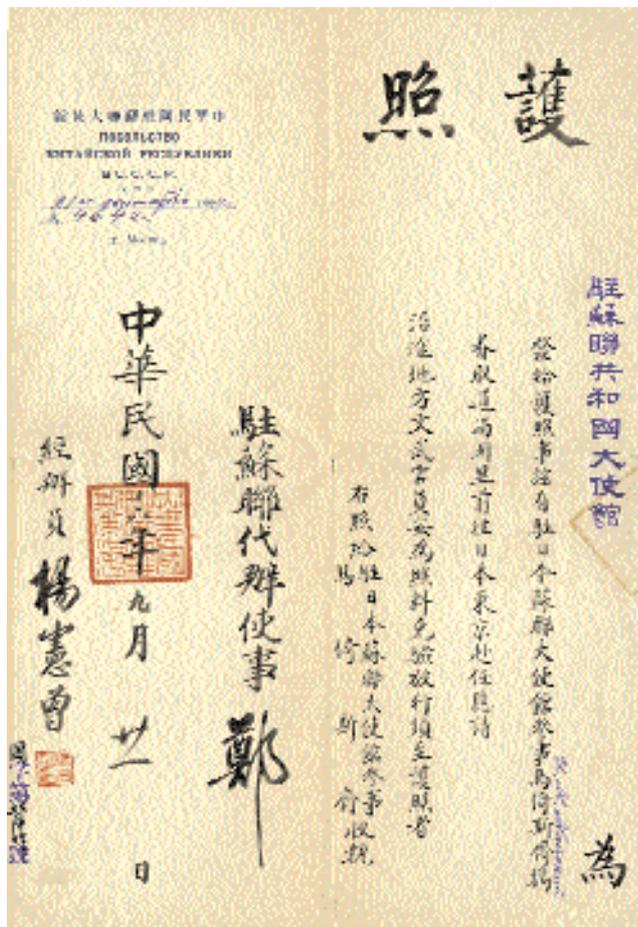
В предисловии к книге «Японские силуэты» Майский писал: «Это – не учёное исследование, не социологический трактат и даже не политический памфлет о Японии. Это вообще не произведение в обычном смысле слова. У него нет ни начала, ни конца. Последняя глава легко могла бы быть первой, первая – последней, ибо то,

что читатель найдёт на предлагаемых его вниманию страницах, есть просто листки из дневника, которые писались в разное время, о разных вещах и по разным поводам. Объединяют их лишь единство точки зрения автора и единство основного предмета описания – Япония. Период, к которому относятся мои впечатления и наблюдения, послужившие материалом для настоящих очерков, охватывает 1926–30 гг.». Автор подчёркивает, что они «являются подлинными зарисовками различных уголков японской жизни». Мы можем сказать, что такая подлинность и свободный характер зарисовок особенно привлекают внимание читателя.

Книга Майского открывается романтическим описанием первой встречи автора с новым для него миром: «На линии горизонта, слегка туманясь и синевя, неровными изломами вычерчивался гористый берег. Было что-то сказочное и волшебное и в этом ярко-синем, слегка волнуемом море, и в этой дальней земле, так неожиданно поднявшейся из океана, и в этой белой полосе пены за кормой...». Эта небольшая картинка «чужого края», в которой виден литературный дар автора, чем-то напоминает первые впечатления от Японии российских путешественников-литераторов – Гончарова, Крестовского.

А вот что писал о Японии современник Майского, писатель Борис Пильняк: «Япония ... затаила, заманила, утопила, зарубила иностранца, точно болотный леший, что ли; всем сердцем я хотел проникнуть в душу Японии, в её быт и время, – я видел фантастику быта, будней, людей – и ничего не понимал, не мог понять и осмыслить, – и понимал, что вот эта страна, недоступная мне, меня засасывает, как болото, – тем ли, что у неё на самом деле есть большие тайны, – или тем, что я ломлюсь в открытые ворота, которые охраняются полицией именно потому, что они пусты...». Заметим, что «пустоту» здесь можно понимать как «бескрайнее нечто». Так понимают её на Востоке.

Виза, выданная И.М. Майскому для проезда через Китай.

И.М. Майский с супругой на вокзале в Токио.

Когда-то в беседах Майский упоминал Пильняка, с которым он был знаком, но несколько иронически относился к его «поэтическому восприятию» Японии. У прагматически мыслящего Майского эта страна представляла в её правдивой реальности, о чём свидетельствует и его книга. Майский нередко сопоставлял Японию с Китаем, а говоря об особенностях развития духовной культуры двух народов, подчёркивал, так сказать «вторичный», имитационный характер японской культуры, что, впрочем, несколько не умаляет её своеобразия и самобытного богатства. Некоторые его сопоставления Японии и Китая оказывались не в пользу Японии, что, по-видимому, прежде всего объясняется обстановкой тех лет на Дальнем Востоке: в конце 20-х гг. в нашей стране на слуху был прежде всего Китай с его кипением политических страстей и революционным порывом и ломкой. Чего стоит громкое название книги Сергея Третьякова «Рычи Китай» (1926 г.).

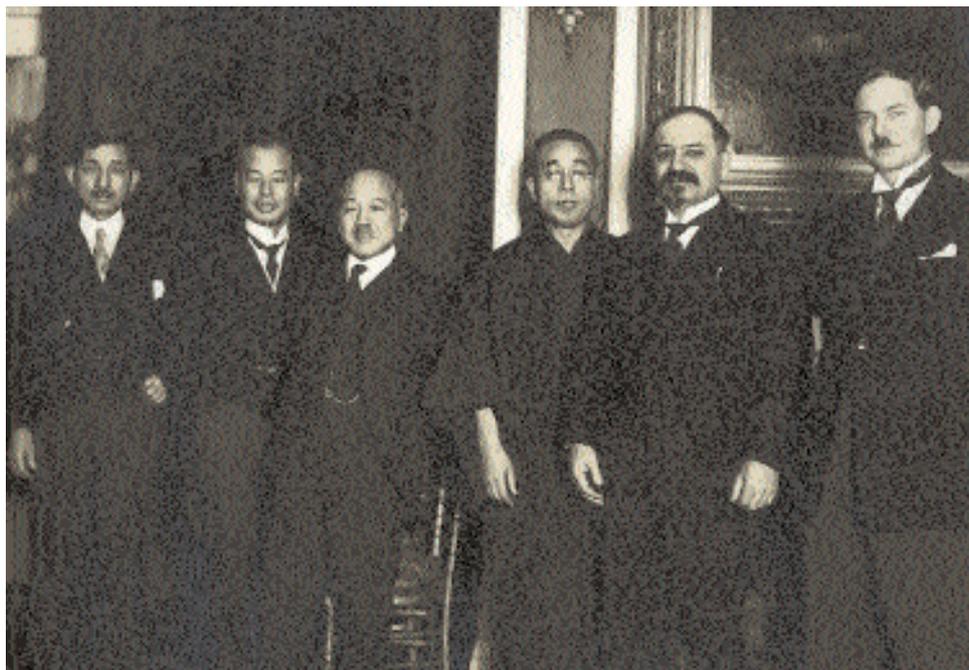
Майский сожалел, что не владеет японским языком. В беседах в японцами и на официальных переговорах на разных уровнях ему помогал россиянин Е.Г. Спальвин, прекрасно знавший страну и язык (он был женат на японке). Вместе с полпредом Трояновским Майский организовал кружок по изучению японского языка и культуры Японии, который сыграл большую роль в профессиональной подготовке дипломатов. Как и прежде (в Гер-

мании, Англии, Швейцарии), Майского интересовали прежде всего социально-политические проблемы. В конце 20-х и начале 30-х гг. в советской периодике стали появляться его статьи и очерки о Японии, о взаимоотношениях Японии и Китая. Интересно, что одна такая работа – «Японский империализм и Китай» – была опубликована в 1928 г. в журнале «Новый мир». И это не случайно: ведь Майский всегда активно занимался журналистикой и литературной деятельностью. Например, в 1923 г. он работал заместителем главного редактора «Петроградской правды» и стал основателем общественно-политического журнала «Звезда», литературными сотрудниками которого были А. Толстой, К. Федин, С. Есенин, Л. Рейснер, А. Коллонтай и многие другие известные писатели, поэты, журналисты и общественные деятели. Что до «Нового мира», то в нём в начале 30-х годов Майский опубликовал цикл очерков о Японии, которые потом вошли в книгу «Японские силуэты». Кстати, с этим журналом Майский вновь войдёт в тесный контакт в 60-е гг., когда в «Новом мире» (при Твардовском) стали печатать «Воспоминания советского посла».

Записки Майского о Японии интересны с точки зрения восприятия людей, с которыми ему пришлось встречаться и работать, описания нравов. К примеру, вот как Майский пишет о полпреде Валериане Савельевиче Довгалевском: «Он как-то легко и быстро уловил дух японского народа, его нравы и обычаи. Он также много читал по истории Японии и усердно знакомился с её литературой и искусством, с интересом, а иногда даже с увлечением присутствовал на различных японских праздниках и церемониях, которые казались ему полными глубокими национальных традиций. Иногда он любил сам переодеваться в японское платье и был похож тогда чуть-чуть на японца».

Образ полпреда Довгалевского очень напоминает духовный портрет самого Майского, в то время увлечённого японской культурой. Впоследствии в разговорах он оживлённо и не без доли юмора рассказывал, как старался постигать разные стороны японской культуры. Он даже сфотографировался в кимоно.

Очень тепло Майский пишет о другом полпреде, Александре Антоновиче Трояновском, который проработал в Японии почти шесть лет. По словам Майского, новый полпред, как и его предшественник, старался постичь тайны японской культу-

Встреча И.М. Майского с деятелями культуры.

ры и особенности нравов страны. В очерке о Трояновском Майский приводит некоторые любопытные факты об особенностях японского дипломатического этикета, вспоминает забавные детали из полуофициальных дипломатических встреч. Например, рассказывает о визите японского премьера Танака к советскому послу на блины, любителем которых, оказывается, был японский генерал. Бывали также торжественные церемонии и встречи с микадо – Хирохито, который за год до этого открыл новую эру правления – Сёва. Одна из встреч происходила в довольно экзотической обстановке – во время охоты на уток. Стреляя в пернатых, охотники умудрялись одновременно решать и свои дипломатические проблемы.

Города и веси

В 1923 г. Япония пережила чудовищное землетрясение, от которого особенно пострадала столица. Под обломками обрушившихся хрупких домиков погибли десятки тысяч человек. В 1927 г. раны уже стали затягиваться. На открытках мы видим восставший после катастрофы огромный город. Бойкая торговля, многочисленные толпы на знаменитой Гинзе (или Гиндзе), люди, разгуливающие в парке Уэно, заполненные зрительными театры. Когда рассматриваешь эти картины жизни, кажется, что слышишь громкий стук деревянных сандалий *гета*, наполнявший город.

Об этой своеобразной детали японского быта Майский писал очень живо и ярко. «Но что такое «гета́»? (ударение в слове подчеркнуто Майским – **Д.В.**). «Гета́» состоит из деревянной подошвы и двух подбитых снизу поперечных пластинок из дерева. Получается нечто вроде маленькой скамеечки. Высота пластинок бывает разная – от дюйма до четырёх дюймов... Я пробовал ходить в «гета́», можно, но всё время чувствуешь себя как на низких ходулях. Боишься сделать резкое движение, боишься при крутом повороте упасть или вывихнуть ступню. А японцы чувствуют себя в «гета́», как жеребёнок на лугу. Дети в них прыгают, играют, кувыркаются и взапуски гоняются друг за другом. Дамы и девицы в «гета́» кокетничают и даже танцуют. Да, «гета́» – национальная японская обувь, столь же неотделимая от представления о типичном японце, как седло неотделимо от представления о монголе или лапти неотделимы от представления о старом русском мужике».

Майский нередко появлялся на Гинзе, посещал здесь театр Кабуки. Этой улице посвящены многие открытки, на которых можно видеть и «небоскрёбы» – высокие здания фирм и магазинов Department Stores. Гинза в то время, как и сейчас, жила в «спешащем» ритме. По ней тарахтели небольшие трамвайчики, шныряли таксомоторы и бегали шустрые рикши. Не меньшее оживление царило у «Японского моста» – Нихонбаси, где уже тогда невдалеке возвышался величественный универсам «Мицукоси».

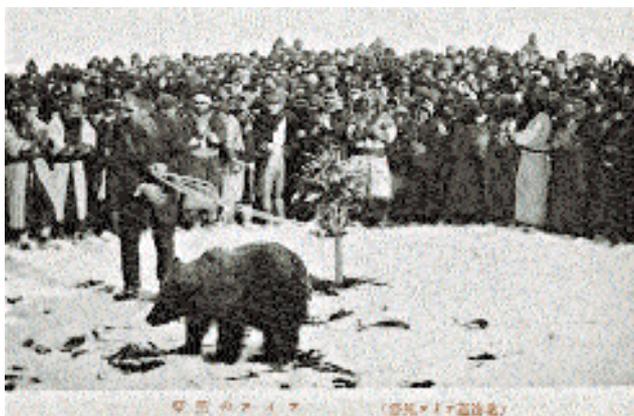
Выставка-ярмарка в окрестностях Гинзы была посвящена развитию национального производства.

В те годы в Токио проходила выставка-ярмарка, посвящённая развитию национального производства. По этому случаю в окрестностях Гинзы были построены красочные павильоны и оборудованы места для всевозможных развлечений, выпущены серии открыток с эффектными печатями, которые подтверждали солидность этого мероприятия. На открытках есть общая картина выставочных павильонов, к которым ведут аллеи с цветущими сакурами, броские витрины с изделиями крупных фирм. Особенно колоритны открытки, на которых изображены традиционные и современные костюмы японцев. Женские манекены в невероятно красивых кимоно поражают глаз пестротой оттенков и разнообразием форм. Некоторые сцены напоминают театрализованные картины: монах, похожий на будду Майтрейя, ведёт хоровод с детишками, одетыми в яркие наряды...

В коллекции немало фотографий и открыток с видами Осаки. Этот шумный город с широкими улицами, монументальными, но несколько мрачноватыми зданиями, величест-

Но, пожалуй, самым оживлённым местом в Токио, особенно в дни праздников, считался район Асакусы, окутанный дымом храмовых благовоний. По сей день здесь стоит величественный храм буддийской богини милосердия, почитаемой в Японии и Китае – бодхисаттвы Гуаньинь. Асакуса – это не только церковная обитель, которую посещают богомольцы, но и оживлённый торговый ряд, вдоль которого снуют толпы людей. В лавках торгуют всякой всячиной: украшениями и сладостями, игрушками и произведениями искусства. Здесь каждый может выпить ароматный чай, заваренный особым способом, или почувствовать вкус настоящего саке. На открытках мы видим толпы людей в национальных одеждах (сейчас это уже редкость): синие или тёмные халаты на мужчинах, разноцветные кимоно на женщинах. Но уже отчётливо проглядывает влияние Запада: европейские шляпы, кепи с внушительным козырьком. Торговые лавки украшены живописными стягами или фонарями, которые зажигались к вечеру. Эта традиция сохранилась по сей день.

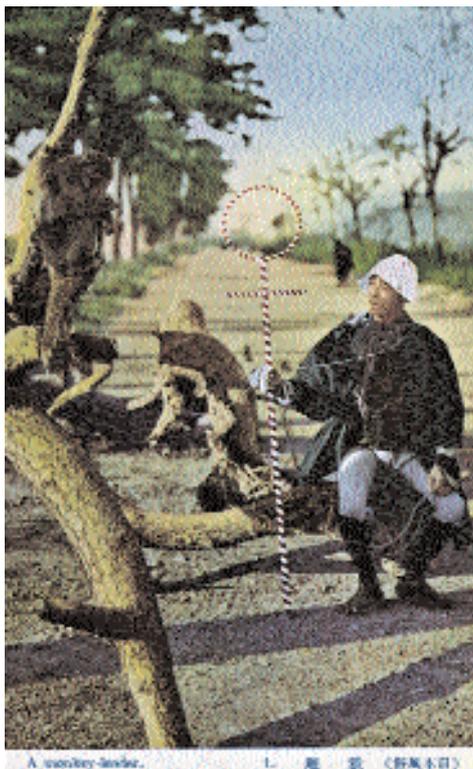
венными замками, сохранившимися с самурайских времён, поражал своими масштабами. Много снимков посвящено Киото, старый район которого несколько напоминает сохранившиеся доселе уголки провинциальных китайских городов (Киото, как известно, строился по архитектурной модели древней столицы Китая Чаньвань). Вот небольшой фрагмент впечатлений автора от Киото, когда он увидел окрестности, поднявшись на одну из окрестных гор. «Ещё несколько крутых зигзагов вверх! И вдруг вы останавливаетесь, как вкопанный. Вы внезапно теряете дар слова. Так вот она, вершина! Какой волшебный, какой необъятный простор! Какая мощная, какая потрясающая картина!.. Глубокая котловина, в которой лежит Киото, перед вами вся, как на ладони. В дымке лёгкого тумана прячется прекрасный город. Чуть маячат сказочные башни его храмов и дворцов. Кругом – горы, долины, озёра, мягко нежащиеся в лучах полуденного солнца». И ещё одна из заключительных строк: «Смотришь на эту картину с высоты Хиейсан и опять думаешь: неужели это правда? Неужели это подлинная Япония, Япония XX столетия? Так мог выглядеть мир в первый день творения».

Интересны фотографии с изображениями города Нара – центра японского буддизма. Город, где царит «сосновая тишина», как писал о нём Пильняк, и где по сей день по улицам-аллеям бродят пятнистые олени.

На острове Хоккайдо в это время находилась небольшая колония российских служащих, к которым по служебным делам приезжал Майский. Сохранившиеся чёрно-белые фотографии и открытки ничуть не потеряли своей выразительности. На некоторых изображены бородатые айны в окружении домочадцев – в те года айны ещё сохраняли исконные этнические черты. На одной из открыток – старые супруги в национальной (очевидно, праздничной) одежде. Они стоят возле своего жилища – дома, сложенного из грубых неотёсанных брёвен. Есть портреты женщин в национальных нарядах, с татуировкой вокруг губ.

**Серия открыток
рассказывает о жизни айнов
на острове Хоккайдо.**

Циркач с обезьянкой.

Ходячая реклама.

Церемонии и быт

В своих записках Майский не слишком часто пишет о повседневной жизни японцев, однако этот пробел восполняет большое количество фотографий и открыток, посвящённых различным сторонам японского бытия. Так, на некоторых из них представлены эпизоды деревенской жизни.

Вот женщины, собирающие устриц во время морского отлива, крестьяне занимаются ловлей рыбы. Одеты они в традиционные чёрные куртки, бёдра прикрыты соломенным опоясом. Крестьянские дети сушат на соломенных матах морскую капусту, женщина прядёт пряжу, супруги в поле собирают рисовую солому и т.д. Обычная крестьянская жизнь запечатлена необычно.

Женщины, собирающие устриц.

Деликатесы на вынос.

Продавец табуреток и скамеек.

венно подробно и ярко. Интересно, что на некоторых открытках представлены сценки из жизни корейской диаспоры, которая в то время была в Японии довольно многочисленна. На одной из фотографий – свадебный обряд, на другой – корейское кладбище, где идёт поминальная церемония.

Колоритно выглядят разного рода храмовые ритуалы и торжества. Они происходи-

ли повсюду: в районе Асакусы в Токио, в буддийских и синтоистских храмах в других местах страны. На одной из открыток изображено шествие буддийских монахов в широкополых шляпах и жёлто-оранжевых хламидах. Или ритуал синтоистских служителей в чёрных накидках и тёмных шляпах с «хвостом». В руках у них деревянные таблички – как у древних китайских

Сценка из жизни корейской диаспоры; жених и невеста перед бракосочетанием.

Кабуки и Но

конфуцианцев. Встречаются и сцены синтоистских религиозных танцев, чем-то напоминающих шаманское камлание.

Серии открыток посвящены бытовым церемониям и обрядам. Они интересны не только своим содержанием, но и техникой исполнения: многие из них рисованные, то есть рисунки раскрашены от руки акварельными красками, а потому напоминают цветные фотографии или акварели. Очень хороша «свадебная серия», в которой подробно изображается эта церемония в японской семье от начала и до конца (смотрины невесты, торжественное пиршество, последующая семейная жизнь).

Городская жизнь японцев представлена не менее богато – это прежде всего повседневный быт: деятельность торговцев, ремесленников, жителей улиц. На одной из открыток мы видим женщину, которая в винной лавке разливает из огромной бочки пиво; по улице шествует продавец лепёшек, а рядом идёт юноша, торгующий табуретами. Две женщины играют перьевым воланом (современный бадминтон), а где-то ребяташки запускают воздушного змея. Конечно же, присутствуют сюжеты с борцами сумо, фехтовальщиками на японских мечях, наряженными в одежды самураев эпохи Токугава; сценки купания в знаменитых японских бадьях и т.д. Трудно перечислить все запечатлённые на открытках сюжеты, но нельзя не упомянуть японский театр.

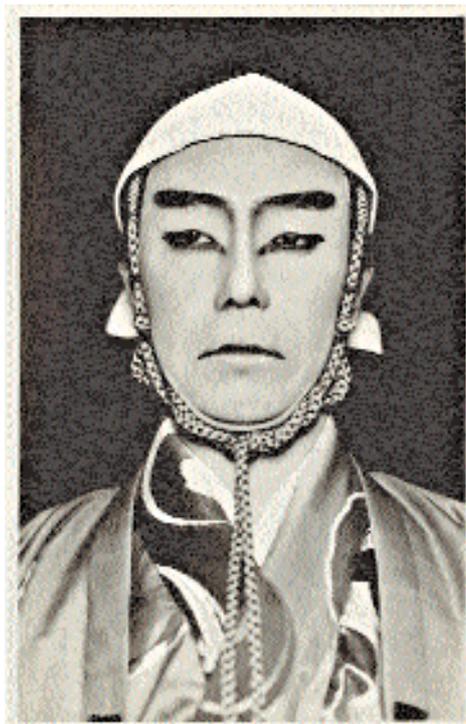
Свадебная церемония в японской семье.

(10)

Японский театр привлекал внимание Майского не только потому, что он был большим любителем сценического искусства, российского и западноевропейского. Не случайно в его домашнем архиве среди множества фотографий хороших и близких знакомых можно обнаружить немало снимков известных деятелей искусства (Козловский, Тамара Ханум, Давид Ойстрах и другие). Театр Японии интересовал Майского и с чисто профессиональной точки зрения – как дипломата, занимающегося культурными связями. Он понимал, что в пору достаточно прохладных политических взаимоотношений становятся важными именно связи в области культуры. Надо сказать, что в те годы в Японии, если говорить об интеллигенции, лучше знали русскую культуру, чем в России японскую. К примеру, японцы читали Толстого, Достоевского, Андреева, Сологуба и Арцыбашева. Им были известны и молодые советские писатели и поэты: Маяковский, Всеволод Иванов и тот же Пильняк, который немало написал о Японии. (Достаточно упомянуть его нашумевшую книгу «Корни Японского солнца»).

Майский с Трояновским инициировали поездку театра Кабуки в Советский Союз. Почему выбор пал на него? Это станет понятно, если вспомнить, что писал в те годы о японском театре будущий академик Н.И. Конрад. В преддверии визита Кабуки

Актёры театра Кабуки. Справа режиссёр Садандзи в сценическом костюме.

в Москву и Ленинград известный японоведец отмечал: «Театр Но – удел особых любителей и гурманов, ценителей архаических форм, театральных эстетов. Жанр Но культивировался особыми обществами любителей, «друзей искусства Но», и никак не рассчитан на массового зрителя. Очень часто Но – просто закрытое представление... Для широкого зрителя Но не существует». Но совсем иначе Конрад характеризовал Кабуки. «Наиболее массовым театром в Японии является, вне всякого сомнения, театр Кабуки – во всех его внутренних разновидностях. Его пьесами восторгаются до самозабвения, его актёры пользуются совершенно не наблюдаемой в Европе популярностью. Театр Кабуки ходит смотреть вся японская буржуазия во всех её слоях; театр Кабуки доступен, близок и понятен рабочему зрителю, живущему ещё почти целиком в националистической стихии». Статья Конрада, откуда взята эта цитата, была опубликована в 1928 г.

Свою лепту в размышления о Кабуки внёс и Майский, заметки которого, сделанные в Японии, впоследствии превратились в отдельный очерк. Майский поначалу пишет о том, что театр имел трагическую судьбу: он фактически сгорел после пожара 1921 г., сильно пострадал и от землетрясения, однако вскоре был восстановлен в первоначальном облике, который сохранился и по сей день. Вот один из фрагмен-

тов его записок: «Здание театра сделано из железобетона. Вместимость его две с половиной тысячи человек. Зрительный зал поражает лёгкостью, простотой и изяществом линий. По форме он представляет удлиненный прямоугольник, по широкому краю которого расположена сцена. От сцены справа и слева через весь зал бегут два узких деревянных помоста: это знаменитая *ханамицзи* («дорога цветов»), по которой главные герои проходят на сцену и уходят оттуда. В зале три яруса. В партере европейские стулья. В ложах сидят по-японски, на подушках. Здесь страшная давка: мужчины, женщины, дети, много детей разного возраста и пола. Есть даже грудные младенцы, которые тут же на глазах у публики самым непринуждённым образом сосут материнскую грудь. Занавес спущен, и три вышитых золотом, сказочно изогнутых льва разбегаются по его жёлтому, ярко тканому полю... Громкая трель последнего звонка. Гаснут огни, начинается представление, сегодня идёт классическая драма – «Мастер масок». Эта пьеса в числе других была показана в Советской России.

Во время бесед с близкими и друзьями Иван Михайлович нередко вспоминал об «оглушительном успехе», который сопровождал гастролям театра, о встречах труппы с российскими актёрами, деятелями искусства и зрителями. Действительно, успех был огромный. Через несколько лет такого

же успеха удостоился лишь ещё один театр с Востока – Пекинская опера, в которой выступал знаменитый Мэй Ланьфан. Кабуки открыл перед российским зрителем совершенно новую, непохожую на западную, театральную эстетику, которая оказалась во многом созвучна театральным экспериментам и исканиям той поры в России (театры Мейерхольда, Вахтангова, Таирова).

В коллекции Майского много фотографий и открыток, воспроизводящих сцены из разных спектаклей театра Но и Кабуки. Все они необычайно выразительны и вместе с изображениями различных аксессуаров японского театра (зонты, веера, музыкальные инструменты, одежда актёров) дают прекрасное представление о художественной специфике японского театрального искусства. Однако эти иллюстрации были бы неполными без снимков выдающихся актёров Кабуки. На оборотной стороне рукой Майского сделаны пояснения: такой-то актёр выступает в такой-то сцене спектакля. Открытки поразительны по своей экспрессии. Особенно впечатляют портреты главного актёра театра и его режиссёра Садандзи, который возродил многие старые и забытые пьесы, ставшие драгоценным украшением его театра.

В своих воспоминаниях Иван Михайлович пишет о некоторых россиянах, которые тогда жили, стажировались, учились и работали в Японии. К сожалению, их фотографий в коллекции нет. Из того, что сохранилось в его домашнем архиве, производит впечатление ветхий и хруп-

кий листочек посольской бумаги со стихами известной японистки Анны Евгеньевны Глускиной, которая, по-видимому, была в то время в Токио. Очевидно, Майскому понравились трогательные строки из переведённого ею на русский язык стихотворения «Разные песни».

*Ах, наслаждением я ещё не насыщен,
Алунный лик как-будто хочет скрыться.
Вдруг спросят люди: «Как живу здесь я?»*

То ты ответь:

*«Как в высях гор туманно,
Туманно так же в сердце у меня.
Не слышал раньше,*

*что в мире столько зла;
Не знал, что в нём так радостного мало».*

Анна Евгеньевна часто приходила к Майским на Тверскую в послевоенные годы, рассказывала о своих переводах из знаменитого поэтического собрания «Мангёсю». И конечно же, эти встречи сопровождались воспоминаниями о Японии тех далёких двадцатых годов, изучение которой стало тогда для Майского «первоочередной задачей», особенно если учитывать, как подчёркивал сам Иван Михайлович, что «страна, народ, жизнь на этих экзотически красивых островах сильно отличалась от российских и западных образцов, с которыми я до того был знаком». С этой задачей И. Майский прекрасно справился, о чём, в частности, свидетельствуют его книга «Японские силуэты», многочисленные статьи, очерки и коллекция, познавательная ценность которой и сегодня, спустя многие десятилетия, не уменьшается.

В оформлении использованы иллюстративные материалы из архива И.М. Майского и автора статьи.